

Дицзян, примкнув к Бисе и Тяньлу, стал заботиться о них, словно заботливая матушка. В погожие дни он выводил малышей погреться на солнышке, а затем, усадив их себе на спину, улетал вдаль на поиски золотых шариков — любимого лакомства Тяньлу.

— Лети быстрее, Цзян-Цзян, я ужасно проголодался! — торопил его Тяньлу, ерзая на широкой спине Дицзяна.

Ранее, когда они только отправились на поиски, им встретила дивная птица с ярким оперением. Она так чудесно пела, что Дицзян остановился послушать, из-за чего они немного выбились из графика. К счастью, благодаря своему внутреннему зрению, позволявшему чувствовать мир, Дицзян вскоре нашел целую россыпь золотых шариков.

Тяньлу, казалось, никогда не знал насыщения: он жадно набивал рот угощением. Бисе же, желая, чтобы брату досталось побольше, ел подчеркнуто степенно и аккуратно, маленькими кусочками, боясь, что Тяньлу не наестся.

— Бисе, ты такой медленный! — прожевав очередной кусок и поглаживая округлившийся живот, Тяньлу с упреком посмотрел на неторопливого спутника.

Увидев, что Тяньлу наконец сыт, Бисе сразу ускорился. В этот момент Тяньлу вспомнил, как Дицзяну понравилось пение той цветной птицы, и решил:

— Цзян-Цзян, и не скажешь, что ты любишь музыку! Я тоже умею петь, сейчас исполню для тебя.

Тяньлу затанул:

— Я маленький Пицю, люблю золотые шарики...

Дицзян, услышав этот детский, трогательный голосок, пришел в восторг и зааплодировал: хлоп-хлоп-хлоп. Тяньлу, видя успех, воодушевился и обратился к сытому Бисе:

— Бисе, давай споем вместе для Цзян-Цзяна!

Бисе тоже хотелось порадовать Дицзяна. Раз уж пение Тяньлу так пришлось ему по душе, значит, и у него получится. И он запел, постоянно сбиваясь с нот:

— Я маленький Пицю, каждый день ломаю голову, чем бы накормить брата...

Бисе казалось, что он исполняет вполне недурно, но вдруг заметил, что Дицзян скривился, словно от невыносимой пытки. Тяньлу тем временем расковырял ухо и проворчал:

— Бисе, ну и ужас, петь ты совсем не умеешь.

Бисе густо покраснел:

— Тяньлу, вовсе не так уж плохо, как ты говоришь!

Дицзян, хоть и не имел ни глаз, ни ушей, ни рта, отлично слышал звуки и чувствовал ритм. Измученный вокальными экзерсисами Бисе, он с усталым видом доставил друзей домой, а сам решил прогуляться в одиночестве. Вдруг его внимание привлек необычный звук. Следуя на зов, Дицзян обнаружил странное существо. У него была сине-розовая шерсть и четыре лапы — это был Хуньдунь, второе поколение божественных зверей, порожденных самим небом. Хуньдунь лежал на земле и жалобно скулил: Ао-у... Ао...

Для кого-то другого этот звук был лишен смысла, но для Дицзяна он звучал удивительно приятно.

— Невероятно милая, хочу с ней дружить! — Дицзяну сразу пришлась по душе эта необычная гостья, и он поспешил выразить свое расположение.

Но стоило Дицзяну приблизиться, как Хуньдунь отпрянула и, свернувшись в клубок, настороженно замерла. Дицзян заволновался: он не мог говорить, а значит, не знал, как объяснить свои добрые намерения.

Хуньдунь, лишенная зрения, слуха и способности ходить, познавала мир через запахи, вкус и прикосновения. Для нее Дицзян был похож на огромный сладкий плод, к которому хотелось прикоснуться, но было страшно. Дицзян, желая передать свои чувства, осторожно взял Хуньдунь за лапу и прижал к себе, транслируя через внутренний взор одну-единственную мысль: Давай дружить!

Хуньдунь, которой очень нравился сладковатый аромат, исходящий от Дицзяна, почувствовала тепло его тела и мгновенно прониклась доверием. Дицзян, заметив, что она больше не боится, радостно запрыгал, а затем присел, приглашая Хуньдунь забраться к нему на спину. Он решил забрать ее домой, чтобы видеться каждый день.

Когда они вернулись, Тяньлу, увидев гостью, радостно воскликнул:

— Бисе, смотри, Цзян-Цзян привел нам нового друга!

Бисе, осмотрев Хуньдунь, с сомнением заметил:

— В доме уже места нет.

Впрочем, он быстро смирился с новым жильцом. Поскольку пещера была тесновата для троих, Хуньдунь пришлось спать снаружи. Ее это ничуть не смущало: теперь она могла целыми днями изучать запахи. Бисе пах как сухие, недозрелые красные хурминки, а Тяньлу — как свежая зеленая брокколи, только что пробившаяся сквозь землю на горе.

Но больше всего Хуньдунь любила запах Дицзяна. Когда Дицзян был в хорошем настроении, от него пахло сладким фруктом. Когда грустил — запах становился терпким, как у недозрелой редьки. Спящий Дицзян пах нежно и сладко, как персик. А когда он голодал, от него исходил кислый, почти горький запах, который Хуньдунь терпеть не могла. Как только она чувствовала эту кислоту, то сразу знала: пора тащить Дицзяна на солнце.

— Ао-у, ао-у... — Хуньдунь тянула Дицзяна туда, где было побольше света, чтобы тот напился энергией. Чем больше Дицзян грелся, тем слаще становился его аромат.

— Скоро наестся, — думала Хуньдунь, терпеливо ожидая, когда он будет готов, чтобы можно было прижаться к его теплоте и вкусно пахнущему боку.

В древние времена земля была еще нестабильна, и землетрясения случались постоянно.

— Что происходит? Что случилось?

— Ой-ой, Бисе, нашего дома больше нет, у-у-у!

В тот день в их районе началось извержение вулкана, земля ходила ходуном, и их маленькую пещеру завалило камнями. Четверем зверям пришлось искать новое место. Они обосновались на другом холме и решили обустроиться заново.

Тяньлу с энтузиазмом заявил:

— Бисе, в этот раз построим большой дом, чтобы все поместились!

Место было пустым, готовых пещер не было, но разве это могло их остановить? Немного подумав, Бисе предложил:

— Давайте выроем нору.

Он принялся разгребать землю, а Тяньлу, заметив огромные лапы Хуньдунь, сообразил, что к чему. Он подбежал к ней и принялся показывать, что нужно делать:

— Большая, давай, копай своими лапами, вот так!

Хуньдунь поняла задачу и принялась рыть с невероятной скоростью. Но так как она ничего не видела, то вскоре случайно обрушила свод собственной норы. Она не остановилась и продолжила копать дальше.

Тяньлу был в восторге:

— Бисе, смотри, сколько у нас теперь нор!

Бисе, оглядев поле, усеянное дырами, вздохнул:

— Похоже, с норами ничего не выйдет.

Однако он заметил, что у Хуньдунь недюжинная сила, и решил, что она вполне способна пробить настоящую пещеру. Собрав всех, он объявил:

— Норы — это ненадежно, нам нужна полноценная каменная пещера.

Они нашли подходящий массивный утес. Бисе постучал по камню и довольно кивнул:

— Отличный материал для пещеры.

Тяньлу, сидя на голове у Хуньдунь, скомандовал:

— Большая, давай! Толкай изо всех сил, весь дом на тебе!

Хуньдунь, почувствовав команду, уперлась лапами в скалу. Раздался оглушительный треск, камни разлетелись в стороны, и перед ними открылся огромный грот.

— Ого, Большая, ты и правда справилась! Ты просто невероятная! — изумился Бисе.

— Смотри, Бисе, пещера из лапок! У нас есть дом! — ликовал Тяньлу.

Они принялись за обустройство. Дицзян наносил сухой травы, чтобы всем было мягко спать. Бисе очистил окрестности от злых духов, поймав и проглотив самых назойливых. Остальные, увидев такую расправу, в ужасе бежали с криками: Уходим, пощадите!

Вернувшись, Бисе увидел, что Тяньлу чем-то занят у стены.

— Что ты делаешь, Тяньлу? Не бездельничай!

Тяньлу обернулся, сияя от гордости:

— Я рисую вывеску для нашего нового дома! Ну как?

На камне были изображены Тяньлу и Бисе, а позади них — Хуньдунь и Дицзян. Бисе поморщился:

— Уродство... И почему ты стоишь в самом центре?

Несмотря на ворчание, рисунок оставили у входа. Так, в этой пещере, четыре божественных зверя прожили долгие годы.

Время шло, Хуньдунь не знала счета дням, а Чжан Хао, пребывавший в глубоком сне, вдруг очнулся.

— Я чувствую, как во мне бурлит сила. Пришло время разбить скорлупу.

<http://bllate.org/book/20816/2093550>